

31.10.96.
Делон Делон

1997

Зубы волчка

Ален Делон родился 8 ноября 1935 года. По знаку зодиака — Скорпион. Жерар Филип еще ходит в школу. Ему 13 лет. Жану Марэ — 22 года. Он без работы, без законченного образования (хоть какого-нибудь!), мечется из одного полупрофессионального актерского коллектива в другой, вовсе любительский. Скоро он познакомится с Жаном Кокто, "классиком" среди модернистов, поэтом, прозаиком, драматургом, режиссером театра и кино, и тот оценит его талант. А пока приходится пользоваться подачками добродетелей. Например, Марсель Л'Эрбис из чистой жалости предлагает ему в фильме "Скандал" роль гостиничного лифтера с одной-единственной фразой: "Ваша почта, мадам". Попробуйте изумить знатоков бездной смысла, вложенного в подобную реплику!

Жану Габену 31 год. Совсем недавно он ушел из театра, от оперетт и ревию, стал сниматься. Этот год будет для него годом взлета: "Мария Шамделен", "Знамя", "Дружная компания". Шедевры актерского мастерства. Классика французского кинематографа.

Думал ли Ален, что возьмется соперничать с этими "священными идолами"?

С удивительным упорством он тратит время и силы, чтобы воевать с легендами о своей жизни. При этом, как мы скоро увидим, он с легкой душой создает другие мифы, более лестные для него.

— Когда вы поняли, что ваша профессия — кино?

Вопрос звучал миллионы раз, в любых видах и поворотах. Например, так:

— В детстве, как все, вы, наверное, мечтали сниматься?

Мало ли чего не бывает в детстве! Будущие бухгалтеры хотят быть парашютистами или пожарными.

Ответы Делона однотипны и с ноткой высокомерия.

Нет, никогда не мечтал. Ровно ничего для этого не делал. Буквально пальцем не пошевелил. В одном интервью он, видимо, в шутку, договорился до того, что начал, дескать, сниматься абсолютно против своей воли.

Представляете себе! "Режиссеру пришлось сражаться не только с продюсером, но и со мною. Как ни смешно, я согласился сниматься, только бы доставить ему удовольствие".

Мы увидим, такой случай был (или почти такой). Только вот что было до этого: поездка на Каннский фестиваль, чтобы "показаться", переговоры с американским продюсером, пробные съемки, уточнение пунктов контракта. Не слишком ли много, даже незнакомому, юный Ален торопился доставить удовольствие и, уж так и быть, постоять, походить немного перед камерой?

Продолжим лукавое интервью. Репортер, озадаченный не меньше нас вами, отважился все-таки уточнить:

— Значит, вы никогда не думали, что можете стать актером?

— Никогда!

— Но кино интересовало вас? Занимало?

— Ничуть! Единственное, что произвело на меня впечатление, — я видел в Сайгоне "Не тронь добычу". Я не очень представлял себе, что такое кино. До армии я жил в Бур-ла-Рен. Тогда этот городок был довольно далеко от Парижа. Кинотеатра там не было. А в Париж я не сильно стремился.

Про Бур-ла-Рен все правда. Но в этом городке он жил уже с отчимом, после развода родителей. А раньше, в детстве, был город Со, и родной отец будущего актера был там ни много ни мало — управляющим кинотеатра, по-нашему говоря, с директором. Рука биографа выводит сама собой: подобно всем мальчишкам, Ален не вылезал из кинозала, смотрел по двадцать, тридцать раз все подряд. И отсюда, от этих запавших в память впечатлений, — его последующая одаренность, поистине природная предрасположенность к экрану.

Но нам было сказано: кино не любил, смотреть не привык, не очень-то разбира-

ся. Что ж, при желании всемо можно отыскать резон. Мама, мадам Делон, хоть и работала в аптеке, но не простой продавщицей — она была "дипломированный фармацевт", что и значилось на специальной табличке. Семья была довольно обеспеченная, с замашками на буржуазности. Быть может, в этой среде кинематограф выглядел плебейской забавой? Верно и то, что доступное не тянет. Дети сапожника, как правило, тоже, подобно папе, ходят без сапог.

Развод не стал трагедией. Все было продано чинно, солидно, официально, как оно и принято у уважаемых людей. Почти тут же последовал второй брак, мама вышла за владельца колбасного магазина в вышеупомянутом городке Бур-ла-Рен. Сюда же, в этот магазин, будут определять Алена, когда ему стукнет шестнадцать лет. Но ему пока еще девять. Он ведет жизнь кочевника поневоле. На праздники он уезжает к отцу, каникулы проводит у кормилицы, живущей в городе Френ. Муж кормилицы работает надсмотрщиком в местной тюрьме. Алена иногда позволяют играть у тяжелых стен тюремного замка.

ра".

Единственное трогательное воспоминание тех лет — Алес любит петь в хоре. Его нежное сопрано заслужило ласковую похвалу высокопоставленного посетителя — папского нунция монсеньора Ронколлы, который в будущем станет папой под именем Иоанна XXIII.

Когда он сменил пятую школу, отчиму надоело. Юношу оставили дома, пусть присматривается к делам в лавке. Тогда-то он и решил бежать в Чикаго, подбив соседского сверстника Даниеля Сальвата.

Но почему, собственно, Чикаго? Неужели и тут обошлось без кино? Тогда, значит, были детективные книжки, комиксы? Или достаточно подростковых баск о замечательных людях и необыкновенных уголках?

"Чикаго! Это название звучало в моих ушах, как музыка! Вот это город! Там приключения на каждом шагу! Ночью мы с Даниелем провели под открытым небом, а утром нас подобрал шофер грузовика. Он вез ранние овощи. У него в кузове пахло персиками и латуксом. Чудесная история! Она волнует меня и сейчас, когда я о ней вспо-

ские передают огорченному папе развязного сына, решительно лыка не вяжущего — от марихуаны или сверхкомплектной рюмки кальядоса. При этом Энтони обычно извлекали из чужой машины, позаматыванной покатались.

Помимо парфюмерии Делон-отец возлагал заниматься модельной одеждой. Фирменные брошки и куртки-пиджаки с маркой "АД" по зубам хорошо обеспеченному юноше. Делон-сын построил на этом свой бизнес. Образовался, как мы бы сказали, подпольный портняжный цех. Марки нашивались подлинные. Энтони был за распространителя. Легенда подкупала: если очень попросить, он уговорит папу сказать полцены на вещь. Не особенно маскируясь, парень быстро попался. Ах, как, наверное, пожалел Алес, что вовремя не читал Макаренко и Песталоцци!

Во всяком случае, пятидесятилетний отец передал дело в суд на двадцатилетнего сына. И выиграл иск, заставив сынулю-раздолбая уплатить 60 тысяч франков ("новых"), потому что дело происходило в 1985 году).

Не получилось с отцовским шитьем, не

Виктор ДЕМИН

Делон

Глава из книги

взять ли тогда по главной статье — экраном? Энтони начал сниматься. Сначала дело пошло со скрипом, потом и вовсе затихло, как вдруг, несколько лет спустя, имя Энтони Делона замелькало в титрах сразу нескольких картин. В свое время мы побеседуем об этом подробнее, пока же интересно, чем объяснял наследный экранный принц свою вынужденную паузу. Он, представьте себе, закалял волю. Для этого пригласил спорт, в особенности же — тайландский бокс, которым, по словам Энтони, он овладел профессионально.

Вот вам и зубы волчка. Отращивают, копят, вырабатывают то, чего лишены. Что до старшего Делона, то в 17 с небольшим лет он отправляется в армию: казарма — мечта бесприютного. Биограф актера Анри Род истратил много слов, чтобы удовлетворительно объяснить: сегодняшнего антиимпериализма среди молодежи тогда еще не было. Влезть в ремни, нацепить оружие, заняться истинно мужским делом, да и посмотреть далекие земли — разве не заманчиво?

Как будто Алес хоть когда-нибудь постунал так, как все, думал, как было модно —

Все проще, мне кажется. Армия была для юноши осуществлением туманной, но завлекательной мечты, как бы разнovidностью Чикаго. Вообразите, что вы прикованы к колбасной лавке, и вдруг видите многокрасочный плакат:

ЛЕТЧИК ЗА 18 МЕСЯЦЕВ!
УЧЕБА В КАНАДСКОЙ
ЛЕТНОЙ ШКОЛЕ!

Вы прошли бы мимо? Не раз, по близким поводам, Делон повторяет: "Я типичная жертва цветных плакатов". Те, кому нет еще восемнадцати, должны обзавестись разрешением родителей. Отчим провожает Алесу к пункту набора, в Париже, на бульваре Виктурс. Незадолго: набор завершен. Кто-то советует: а не сделаться ли юноше моряком? Ему уже все равно, только бы немедленно. Они отправляются в военноморское министерство, и Делон становится "красным помпонио".

Отметим, что в кино 1952-53 годы — период послеполудневной перестройки. Созрел и взлетает Жерар Филип. Недавно, с блестящими шедеврами Габена и Карне, оставшись отсыпавшим у Карне в фильме "Жюльетта, или Ключ к снам" и у Клерв в "Ночных красавицах", он теперь, на волне своего мифа, выступает в "Фанфане-тюльпане", красуясь в образе романтически приподнятом и вместе с тем демократическом, общепонятном. Рене Клеман пристает к нему со своим новым сценарием — готовитесь "Господин Рипуа".

Жан Марэ, еще недавно столь победительный в "Вечном возвращении" и "Ор-

фе", в "Рюи Блазе" и "Тайне Мейерлинга", вдруг принимается играть самозванцев, лгунов. В "Исцелителе" его герой, самый заурядный врач, решает вырвать свой шанс у фортуны, представившись знахарем — эта работа по обслуживанию суверей оплачивается не в пример выше. В "Полночных возлюбленных" (в родном прокате — "Разбитые мечты") он был неотразим, особенно в глазах простушки, которую играла начинающая Дани Робен, при том, что занимался сбытом фальшивых ассигнаций. Наконец, в это же время он был приглашен режиссером Р.Вернем на главную роль в "Графе Монте-Кристо", сюжет, по пронзительному замечанию Антонио Грамши, воплощает в себе народные мечтания, порожденные комплексом социальной неполноценности, идею мести, наказания всех виновных за причиненное простому человеку зло от имени государства и власть имущих. "В Графе Монте-Кристо" налицо все элементы, необходимые для того, чтобы лелеять эти мечты и, следовательно, давать наркотик, который смятchal бы ощущение боли". (А.Грамши, Избранные произведения в 3-х томах, том III, М., Изд-во иностранной литературы, 1959, с. 524.)

Это написано в тридцатые годы, но, кажется, еще больше, чем роман Дюма, эта

Теперь они сплошь выигрывают! Изменилась и их подноготная — теперь они крутые люди в криминальном бизнесе.

Снова тот же вопрос: понимал ли Делон, что он призван прийти на смену этим звездам?

Тут я склонен ему верить, — что он даже не думал об этом. Однако в Сайгоне, как мы уже слышали, он все-таки отметил "нового", абсолютно "нового" Габена в фильме "Не тронь добычу!".

То, что он не смотрел там другие картины, мне кажется вымыслом.

Но мы забежали вперед. Пока что мы вместе с нашим героем ведем жизнь матроса, сначала на учебном, а потом и на настоящем, боевом судне.

Положим, прежде всего их учат в казарме и вполне по-казарменному, и лишь затем — на учебном судне, не отходящем от берега. Муштра и тоска. Тоска и муштра. Когда приближается срок демобилизации, Алесу нечем похвастаться перед будущими собеседниками. По части разности — тех, кто запишется на сверхурочную службу, пошлют через полпланеты в Индокитай, где гремит перестрелка и выт-конговыи все больше досаждают французским войскам.

Снова надо обращаться к родителям за согласием.

как Делон

Эту книгу Виктор Демин дописать не успел. Большая часть задуманного осталась в черновиках, набросках, компьютерных дисках, просто в разговорах. И тем не менее книга об Алесе Делоне получилась. Точнее: книга о том, как становится Делоном, мужчиной, "звездой", личностью. Книга о том, каких трудов стоит жизнь, которую человек из провинции, без имениных предков, без связей, делает сам, своими руками. Кому, как не Демину, было знать об этом, и потому, наверно, ему было интересно думать и писать о бесконечно далеком Делоне, с которым у него не было да и не могло быть ничего общего. И все-таки — когда я читал эти главы, посвященные юности Делона, я почему-то видел перед собой Виктора Демина...

Мирон Черненко

мысль характеризует его экранизацию 1953 года. Вот уж подлинно болеотолющее в его наизоткровенном виде!

"С утра до вечера работа. Вечером и ночью — вонь и шум перенаселенных квартир, склоны и ссоры, вой почти уже ненавистных ребятишек, жалкая и грубая жена, скандалы пьяных соседей. Но ночью, во сне, к этому человеку приходят три мушкетера, и он уходит с ними из этого мелочного ада, и на ногах у них ботфорты со шпорами, плащ через плечо, а в руках — шпага. Многих покарает шпага в эту ночь, но сны никому не выдают героя". (А.Лебедев, Антонио Грамши о культуре и искусстве. М., "Искусство", 1965, с. 38.)

Трудно отделиться от ощущения, что А.Лебедев описал не столько общевоспекуемую, сколько нашу, отечественную ситуацию, куда сегодня мы включили бы помимо мистических и утешительных снов еще и телевизионный наркотик в виде мексиканских "мыльных опер", где тоже сбываются все мечты, все негодия получают по заслугам, а безответные, кроткие жертвы заслуженно ждут воздаяния за свои хождения по мукам.

Маре из всамделишной и даже полудекандской романтики переходит в эти годы к витринной романтике "второго кино", к занимательной байке с утешительной моралью.

Резкий поворот поджидает и актерский миф Жана Габена. Впрочем, поначалу он кажется плавным, этот поворот. "Набережная туманов" и "День начинается", бесспорные шедевры Габена и Карне, оставшись позади, в довоенных годах. В 1949 году программел фильм Рене Клемана "У стен Малапани". Теперь на Габена надвигается лавина гангстерских картин: "Не прикасайся к добыче!", "Облава на блатных", "Французский канкан", "Бродячие собаки без ошейников", а чуть погодя "Газолин", "Порт дождливый", "Кровь в голову" и "Время убийи". Раньше персонаж Габена погибали, не поступившись ни пядью из того, что они считали своим достоинством.

Ответ приходит с оскорбительной быстротой. Это можно понять и так — да отправляйся ты куда хочешь! Надо ли потом удивляться его сверхскрепленной лжи в новелле "Чти отца своего и мать свою"?

13 марта 1954 года завязывается перестрелка у поселка Дьен Бьен Фу. Это последняя крупная крепость, которую отстаивают французы. Через полтора месяца осады ясно, что катастрофа неизбежна. 7 мая войска далекой метрополии официально капитулируют. В ответ сброшено правительство забытого ныне Жозефа Лангелла, самого реакционного кабинета в разгаре холодной войны. Новое правительство возглавил радикал Мендес-Франс. За него голосуют и центр и левые, вплоть до коммунистов.

Военный матрос Алес Делон боится в бурном море на расстоянии, примерно равном как от Парижа, так и от Дьен Бьен Фу. По радио обсуждают условия эвакуации французоз. Когда, наконец, Делон добывается до Вьетнама, его направляют в военный гарнизон Сайгона.

Илет июнь, потом июль, потом август... В городе, как всегда, стоит страшная жара: до пятидесяти в тени и выше. Главная жизнь начинается с сумерками. На окраинах иногда стреляют, в центре не бывает никаких беспорядков. По вечерам всего многолюднее у знаменитой десятиэтажной гостиницы "Каравелла", на улице Катина, полного сворачивающей к порту.

Если бы Делон, уже произведенный в капралы, толкался здесь почаше, он мог бы, наверное, встретить плотного, молчаливого, хорошо пишущего английского корреспондента с грустными, глубокими, холодноватыми глазами. На визитке у него значится — Грэм Грин, а в чемодане — наполовину переписанные рукописи, к которой он приступил уже в третий раз. В следующем году роман увидит свет и под именем "Гийх американец" взорвется по всему миру.

Итак, перелом в судьбе, встречаемый всюду как бестселлер из бестселлеров.

Впрочем, капрала не часто пускают за

вороты. Он запомнил, по его последующим рассказам, что их бросали из части в часть, переводили в соседние городки, приказывали патрулировать дороги и дамбы. Бывали выезды ночью. Им говорили: противник — там! Иногда после этого, простояв час или пять часов, снова садились по машинам и возвращались. Иногда истошно кричали: огонь! Все падали на живот и палили в белый свет, как в копеечку.

Однажды их джип и в самом деле обстреляли. Никто не был задет, но брезент и металл были в дырках. Это волновало, как самое настоящее сражение!

Позже Делон поторопится заявить, что тоже, как и все, ненавидит войну и стал антиимпериалистом как раз в Индокитае:

"Я стал антиимпериалистом, когда понял, чего стоит наша жизнь и жизнь других людей. А тогда я был бездумно увлечен своим первым порывом. Мерзостный смысл его мне открылся потом, при возвращении в нормальный мир. Страх вообще и страх смерти. Для меня это в ту пору неотделимо смешалось с молодостью, с избытком жизненных сил. Я считал тогда эти вещи счастливо нерасторжимыми".

Приговор: 45 дней военной тюрьмы. Делон отсидел их от минуты до минуты. Тюрьма, на которой в пору вешать памятную доску с его именем, расположена там же, в Марселе, совсем недалеко от порта.

О чем он думает полтора месяца, в прогулочном дворе или у зарешеченного окна, которое только в нашей любимой стране да еще у политических подражателей из соседних принято забивать идиотским "намордником"? Что детство закончилось? Или что оно не окончится никогда? Что пришла пора подрастающему волчку показать свои всамделишные зубы? Что играть в лихость, в царя фортуны, в человека с оружием, если ее не оборвать, становится профессией — авантюристом?

Или другой профессией — актера, играющего прожженных, самоуверенных молодых, с метким оружием в недругнувшей руке?

Не может быть, ни за что не поверю, чтобы мысль о кино ни разу не посетила его в эти дни.

Вы скажете: откуда нам знать, посетила или не посетила? Чужая душа — потемки, — и все такое.

У меня доказательства. Суровой мадам Делон-Булонь сообщила, где задержался ее сынок, и мамочка, сначала отругав Алесу, потом по возможности стала ему внушать светлые надежды, сообщив, например, что в Бур-ла-Рен (она еще не уверена, что Алес туда доберется) его поджидает мотороллер "Веспа", подарок от них с отчимом. И тут же, как самое пикантное: она свела знакомство с одной четой: мадам — отыгивавшая женщина, мессе занимается кинематографом. Они уже видели фотографии Делона и полны решимости составить протекцию для паренька, отслужившего в армии в такое тревожное время. Речь, конечно, не идет о месте кинозвезды, но что-нибудь прибыльное, верняковое, например, статистом или рабочим бутафорского цеха.

Фамилия этой четы — Алдере. Уже, как видим, кое-что получше, чем резать колбасу за прилавком. Родичи, видимо, махнули рукой на вояку, угодившего если не в дезертиры, так в военную тюрьму.

К чести Делона-сына, он не был соблазнен даже "Веспой", не говоря о туманном приводе за ручку на некую съемоучую площадку, — а чем еще могла представиться мамочкина затея?

Для себя, должно быть, он давно решил вычеркнуть из сердца и из памяти все, что напоминало Бур-ла-Рен или Со, Френ или д'Иньи.

Но, как мы увидим позже, привел за ручку все-таки состоялся. Вот чего, должно быть, стесняется Алес Делон, вот что он хотел бы скрыть под обвалом выдумок — ненавидел кино, не хотел сниматься, уговорил, даже сам не знаю, как.

Так красавица на балу искренне недоумевает, почему она не нарахвалит у внезапно обреченных кавалеров. Так ей неловко вспоминать, что вначале к ней из жалости подослал какого-то плюгавенького замухрышку.

А пока что — яркое солнце, что ударило его по глазам на Лионском вокзале города Парижа, — это майское солнце 1955 года.

У него три билета парижского метро и 40 центов (не сантимов), выигранных на палубе, вблизи Гибралтара в азартную карточную игру, разновидностью нашей "девятки".

За душой у его молодости, энергия, редкостная красота, находчивость, хватка, которой учатся под пулями, безудельный, холодный ум, иногда беспринципная ярость до истерики и — полное, может быть, почти полное отсутствие каких бы то ни было моральных предрасудков.

И — полтора года, чтобы понять, где с такими козырями скорее всего удастся сделать Большую игру.

